

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

А. ШЮТЦ

РАВЕНСТВО И СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОГО МИРА

І. ВВЕДЕНИЕ

В данной работе рассмотрены различные аспекты понятия равенства в повседневном мышлении конкретной социальной группы. Общая идея равенства в философском и религиозном смысле выходит за рамки нашего исследования. Здесь нам достаточно отметить, что все повседневные аспекты равенства являются просто секуляризациями более или менее ясно воспринятых этических или религиозных принципов, которые считаются сами собой разумеющимися. Поэтому мы не старались соотнести повседневное понятие равенства с идеей достоинства человека, отношением души к Богу или законами природы.

Наш главный тезис состоит в том, что смысл, который повседневное понятие равенства имеет для отдельной социальной группы, как таковой является элементом системы типизаций и релевантно-

Шютц Альфред (Schütz Alfred, 1899-1959) — австро-американский социолог, основатель феноменологического направления в социальных науках.

Перевод с английского кандидата философских наук А.Я. Алхасова и кандидата философских наук Н.Я. Мазлумяновой. При переводе сохранен вспомогательный аппарат оригинала, уточнены библиографические описания цитируемых изданий. Перевод осуществлен по изданию: Schutz A. Collected Papers. Vol. I. The Problem of Social Reality / Ed. by M. Natanson. The Hague: Martinus Nijhoff, 1962.

Редакция выражает признательность Фонду «Общественное мнение» за любезное разрешение опубликовать фрагмент готовящегося к печати сборника избранных произведений А. Шютца «Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии».

стей, одобренной этой группой, а также элементом социокультурной ситуации, считающейся ею само собой разумеющейся в любой момент ее истории. Повседневные аспекты равенства — в отличие от философских и теологических — имеют, таким образом, реляционный характер: они зависят от системы релевантностей, и сдвиг в структуре этой системы вызывает изменения некоторых из них.

Мы надеемся, что анализ отношений между равенством и системой соотношений позволит избежать, с одной стороны, определенной неоднозначности понятия равенства — прежде всего смешения его с понятием однородности (гомогенности), — и, с другой стороны, покажет, почему в различных контекстах мы говорим о социальном равенстве, политическом равенстве, о равенстве перед законом и о равенстве возможностей или почему более утонченный язык греческой философии смог выделить в «равенстве» различные области релевантностей, такие, как *изотимия*, или равное уважение ко всем, *изономия*, или равенство перед законом, *изогория*, или равная свобода слова и, следовательно, политического действия, *изократия*, или равенство в политической власти, *изософия*, или равное право голоса, *изополитейя*, или равенство гражданских свобод, *изодемония*, или равенство в удаче и счастье, *изомория*, или участие в партнерстве с равной долей.

Анализ равенства усложняется из-за того, что его смысл различен при интерпретации его членами мы-группы в терминах ее собственной системы типизаций и релевантностей; членами других групп (они-групп) на основе их систем типизаций и релевантностей; наконец, при интерпретации его социальным ученым, исследующим как первую группу, так и остальные. Это только один пример принципиальной амбивалентности смысла всех социальных явлений, которую отмечали многие социальные ученые и особенно Макс Вебер. В соответствии с неудачной — но общепринятой — терминологией Вебера, мы должны различать *субъективный смысл*, который имеет конкретная ситуация для вовлеченного в нее человека (или субъективный смысл, который отдельное действие имеет для актора), и *объективный смысл*, то есть интерпретацию той же самой ситуации или того же самого действия кем-то другим. Терминология неудачна потому, что так называемый объективный смысл — или, лучше, смыслы — опять-таки связан с наблюдателем, партнером, ученым и т. д. Тем не менее в силу терминологической дисциплины мы будем использовать в нашей работе термины «субъективный смысл» и «объективный смысл» в соответствии с этими определениями.

Легко показать, что субъективный и объективный смыслы никогда не совпадают, хотя в результате институционализации и стандартизации социальных ситуаций и моделей интеракций они могут сблизиться в достаточной степени для решения многих практических задач. Мы рассмотрим дихотомию субъективного и объективного смы-

слов на различных уровнях и в связи с различными проблемами, такими, как образ жизни группы в восприятии мы- и они-групп; определение личной ситуации индивида в группе им самим и группой; определение самого понятия «группа» ее членами и посторонними; формирование областей релевантностей; диалектика предрассудков; понятия дискриминации и прав меньшинств; ранговый порядок дискриминаций; равенство, к которому стремятся, и равенство, которое даруется; наконец, понятия возможности и шанса.

Этот краткий план определяет построение статьи. В первом разделе мы в довольно краткой форме рассмотрим систему социально одобренных типизаций, на основе которых повседневный (*common-sense*) опыт человека интерпретирует социальный мир и его организацию. Мы покажем, что сами эти типизации организованы в области релевантностей, которые, в свою очередь, образуют систему и являются элементами того, что Макс Шелер называл относительно естественным мировоззрением группы. Квалификатор *относительно* предназначен для того, чтобы отличать это понятие от идеи общего естественного состояния у Гоббса, Локка, Руссо, античных и современных теоретиков естественного права.

Во втором разделе мы продемонстрируем, что, как показали еще Платон и Аристотель, в терминах равенства или неравенства могут сравниваться только элементы, относящиеся к одной и той же области релевантностей («гомогенные»), в то время как сравнение элементов, относящихся к различным областям релевантностей («гетерогенных»), приводит к логическим и аксиологическим противоречиям.

В третьем разделе будут рассматриваться: 1) самоинтерпретация социальной группы, 2) интерпретация системы типизаций и релевантностей некоторой группы они-группой, 3) обе интерпретации, осуществляемые как социальным ученым, философом, так и теологом. Это позволит нам сделать краткие замечания о соотношении различных интерпретаций.

Четвертый раздел содержит детальное исследование некоторых важных примеров дихотомии субъективной и объективной интерпретаций. В первом подразделе речь идет о групповом членстве, которое может быть определено индивидом или навязано ему извне. Понятия навязанного группового членства и навязанных систем релевантностей являются ключевыми при анализе частных проблем субъективных и объективных импликаций равенства. Последние анализируются во втором подразделе. Не имея возможности провести их систематическое исследование, мы тем не менее рассмотрим некоторые решения Верховного суда США, относящиеся к четырнадцатой поправке, документы, подготовленные Генеральным секретарем ООН по дискриминации и защите прав меньшинств, а также выдержки из книги Г. Мюрдаля «Американская дилемма» в концептуальных рамках, разработанных в предшествующих разделах. Последний подраз-

дел (С) посвящен объективному и субъективному смыслам понятия «возможность» (opportunity).

II. СОЦИАЛЬНЫЙ МИР КАК САМО СОБОЙ РАЗУМЕЮЩИЙСЯ И ЕГО СТРУКТУРИЗАЦИЯ

Начнем с рассмотрения различных артикуляций и форм организации социального мира, которые конституируют социальную реальность для живущих в нем людей. Человек родился в мире, который существовал до его рождения, и этот мир с самого начала является не только физическим, но и социокультурным. Социокультурный мир предконституирован и предорганизован, его особая структура — результат исторического процесса, она специфична для каждой культуры и общества.

Однако все социальные миры имеют некоторые общие черты, поскольку в их основе лежат общечеловеческие свойства. Везде мы находим половые и возрастные группы и обусловленное ими разделение труда; более или менее устойчивое разбиение социального мира на однородные группы с различной социальной дистанцией между ними — от близости до чуждости. Везде мы видим также иерархии суперординации (превосходства) и субординации (подчинения), лидера и последователя, командующего и повинующегося. Везде также есть принятый образ жизни, то есть представления о том, как следует обращаться с вещами и людьми, с природой и сверхъестественным. Более того, везде существуют культурные объекты, такие, как орудия, необходимые для господства над внешним миром, игрушки для детей, предметы для украшения, какие-то музыкальные инструменты, объекты, служащие символами религиозного культа. Существуют определенные церемонии, которыми отмечают основные события жизненного цикла индивида (рождение, инициация, брак, смерть) или повторяющиеся события, связанные с природой (сев и сбор урожая, солнцестояние и т. д.).

Социальные ученые часто пытались классифицировать различные виды деятельности людей, обнаруживаемые во всех социальных организациях, создавая перечни основных потребностей, которые должны быть удовлетворены с помощью функций социального корпуса. Считается, что эти потребности мотивируют действия индивидов и определяют организационные и институциональные рамки их деятельности. Почти все эти перечни включают так называемые биологические потребности в еде, крове и сексе; некоторые включают также потребность в общей защите против сил природы, злых духов и внешних врагов. Другие определяют в качестве основных и общих некоторые психологические потребности, например, желание быть признанным ближними или потребность в новизне.

При нынешнем состоянии социальных наук все эти перечни потребностей, полагаемые в качестве основных и общих, в лучшем случае являются, как нам кажется, более или менее надлежащим образом сформулированными эвристическими инструментами и как таковые, несомненно, полезны. Однако ни социальная психология, ни культурная антропология не могут предложить критерии для определения того, какие потребности и мотивы должны считаться «основными» и универсальными. Без этого невозможно сформулировать устойчивую теорию равенства людей, основанную на общих потребностях человечества. Только исследование человеческого фактора в целом, места человека в космосе, другими словами, только полностью разработанная философская антропология могла бы дать нам знание об элементах, необходимых для решения этой проблемы. Последние сочинения Шелера свидетельствуют, что он планировал такое исследование. В данной статье мы не собираемся предпринимать ничего подобного и ограничимся общим описанием некоторых черт социальной реальности, как она переживается человеком, живущим в ней среди ближних своей повседневной жизнью.

Таким образом, социальный мир, в котором человек родился и в котором он должен найти свои ориентиры, воспринимается им как прочное переплетение социальных отношений, систем знаков и символов с их особой смысловой структурой, институционализированных форм социальной организации, систем статуса, престижа и т. д. Смысл этих элементов социального мира во всем его многообразии, а также сама его структура просто принимаются как данность теми, кто в нем живет. В результате относительно естественное восприятие социального мира формирует, используя термин У.Г. Самнера, обычаи (folkways) мы-группы, принятые как хорошие и правильные способы обращения с вещами и людьми. Они считаются сами собой разумеющимися, потому что выдержали испытание временем и, будучи социально одобренными, не требуют ни объяснения, ни обоснования.

Эти обычаи составляют социальное наследие, которое передается детям, родившимся и растущим в группе. Посторонний человек, который хочет быть принятым группой, должен получить в процессе аккультурации (так же, как и ребенок) знание не только о структуре и значении подлежащих интерпретации элементов, но и о схеме интерпретации, преобладающей в мы-группе и принятой ею как данность.

Это вызвано тем, что система обычаев устанавливает стандарт, на основе которого мы-группа «определяет свою ситуацию». Более того, схема интерпретации, которая успешно «работала» в прежних ситуациях, определенных группой, становится элементом настоящей ситуации. Восприятие мира как само собой разумеющегося и не вызывающего вопросов базируется на глубоко укорененном допущении, что до следующего наблюдения он субстанционально будет существовать таким же образом, как до сих пор; что то, что было значимым

до сих пор, останется таким же, и что все, что мы или другие подобные нам могли однажды успешно выполнить, может быть выполнено снова подобным же образом и приведет к субстанционально подобным результатам.

Конечно, то, что до сих пор оставалось несомненным, можно всегда подвергнуть сомнению: считающиеся само собой разумеющимися вещи станут тогда проблематичными. Это действительно будет так, если, например, в индивидуальной или социальной жизни происходит событие или имеет место ситуация, с которыми нельзя справиться, применяя традиционные или привычные образцы поведения или интерпретации. Мы называем такую ситуацию кризисом — частичным, если он подвергает сомнению только некоторые элементы считающегося само собой разумеющимся мира, и полным, если он лишает значимости всю систему координат, саму схему интерпретации.

Для нашей цели необходимо подробнее исследовать структуру повседневного знания об обычаях группы, которым обладает человек, постоянно живущий в ней, а также способ, которым он приобретает такое знание. Это повседневное знание ни в коем случае не тождественно знанию социального ученого. Современные социологи, занимающиеся социальной системой как таковой, описывают конкретную социальную группу, например, как структурно-функциональный контекст взаимосвязанных социальных ролей и статусных отношений, явленных образцов действия (*performance*) и значения. Такие образцы в форме ожиданий, связанных с этими ролями и статусными отношениями, мотивируют людей выполнять функции, предписанные их позициями в системе. Т. Парсонс, например, говорит: «Роль... является частью общей системы ориентаций индивидуального актора, организованной вокруг ожиданий относительно особого контекста взаимодействия, интегрированного с особым множеством ценностных стандартов, управляющих интеракцией с одним или более другими <ближними>, играющими подходящие комплиментарные роли» [1, p. 38 ff].

В работе, которую Т. Парсонс и Э.А. Шилз включили в книгу «К общей теории действия», мы читаем: «Для большинства целей *концептуальной единицы социальной системы является роль*. Роль — это часть общей системы действия индивидуального актора. Это точка контакта между системой действия индивидуального актора и социальной системой. Следовательно, индивид становится единством в том смысле, что он состоит из различных единиц действия, которые, со своей стороны, являются ролями в отношениях, в которые он вовлечен... То, что актер должен делать в данной ситуации, согласно его собственным ожиданиям и ожиданиям других, конституирует ожидания этой роли...

В каждой специфической ситуации существует институционализация, когда каждый актер делает и полагает, что должен делать, то,

что полагают, что он должен делать, другие акторы, с которыми он сталкивается» [2, р. 190, 191, 194].

Здесь мы не будем подробно разбирать понятия, использованные в этой весьма простой концептуальной схеме. Приведенный фрагмент дает достаточное для наших целей представление о взглядах, принятых влиятельной школой современных социальных ученых. Но полезно помнить, что то, что социолог называет «системой», «ролью», «статусом», «ролевым ожиданием», «ситуацией», «институционализацией», переживается индивидуальным актором на социальной сцене в совершенно иных терминах. Для него все факторы, обозначенные этими понятиями, являются элементами сети типизаций — типизаций человеческих индивидов, образцов их действий, их мотивов и целей или социокультурных продуктов, которые порождены их действиями. В основном эти типы создавались другими, предшественниками или современниками, в качестве средств обращения с вещами и людьми, принятых как таковые группой, в которой он родился. Но существуют также самотипизации: человек типизирует до определенной степени свою собственную ситуацию в социальном мире и различные отношения, в которых он состоит со своими ближними и культурными объектами.

Знание этих типизаций и их надлежащее использование — неотъемлемый элемент социокультурного наследия, передаваемого рожденному в группе ребенку его родителями и учителями, родителями его родителей и учителями его учителей; оно, таким образом, является социально приобретенным знанием. Вся совокупность этих различных типизаций конституирует систему координат, на основе которой должен интерпретироваться не только социокультурный, но и физический мир, — систему координат, которая, несмотря на ее неконсистентность и внутренне присущую ей непрозрачность, тем не менее достаточно интегрирована и транспарентна для решения большинства наличных практических проблем. Следует подчеркнуть, что интерпретация мира в терминах типов, как она понимается здесь, не является результатом силлогического рассуждения, не говоря уже о научной концептуализации. Мир — как физический, так и социокультурный — с самого начала переживается в терминах типов: существуют горы, деревья, рыбы, собаки, и среди последних — ирландские сеттеры; существуют культурные объекты, такие, как дома, столы, стулья, книги, орудия, и среди последних — молотки; существуют типические социальные отношения и роли, такие, как родители, братья и сестры, родственники, посторонние, солдаты, охотники, священники и т. д. Таким образом, типизации на уровне повседневного мышления — в противоположность типизациям, осуществляемым ученым, и особенно социальным ученым, — возникают в ежедневном переживании мира, считающегося само собой разумеющимся, без всякого формулирования суждений или составленных по всем прави-

лам высказываний с логическими субъектами и предикатами. Они принадлежат, пользуясь феноменологическим языком, к допредикативному мышлению. Словарный состав и синтаксис повседневно используемого родного языка представляют собой сокращенную форму типизаций, социально одобренных лингвистической группой.

Но в чем заключается процесс типизации? Если мы назвали животное собакой, мы уже выполнили своего рода типизацию. Каждая собака является единственной в своем роде и как таковая отлична от всех остальных собак, хотя у нее с ними есть множество общих характерных черт и свойств. Признавая в Ровере собаку и называя его собакой, я пренебрег тем, что делает Ровера особенной и уникальной собакой, каковой он является для меня. Типизация состоит в исключении того, что делает индивида единственным и незаменимым. Коль скоро Ровер является собакой, то он считается равным всем остальным собакам, от него ожидают соответствующего поведения — того, что он будет есть, бегать и т. д., как собака. Но даже смотря на Ровера как на индивида в его уникальности, я могу обнаружить, что сегодня он ведет себя не так, как всегда. Обычно он приветствует меня, когда я возвращаюсь домой. Сегодня он очень вял, и я боюсь, не заболел ли он. Мое понятие особенного и уникального Ровера уже включает типизацию того, что, как я полагаю, является его обычным поведением. И даже больной Ровер обладает своим типическим способом болеть. (Проблема типизации исследовалась Гуссерлем в его работе «Опыт и суждение» («Erfahrung und Urteil»), но вопрос о том, похож ли больной Сократ в целом на Сократа здорового в целом, обсуждался уже в платоновском «Теэтете», 159 В.) С другой стороны, я могу смотреть на Ровера как на млекопитающее, или на животное, или просто как на объект внешнего мира.

Каким же образом можно подвести один и тот же индивидуальный объект под любую из типизаций в диапазоне от типического поведения болеющего Ровера до типических характеристик объекта из внешнего мира? Или, другими словами, что заставляет нас при определенных условиях считать некоторые черты равными (или, как мы предпочитаем говорить, «гомогенными») во всех объектах, подпадающих под общий тип, и при других условиях — пренебрегать отдельными чертами, которыми типизированные объекты отличаются друг от друга?

Ответ таков: вся типизация состоит в уравнивании черт, релевантных для конкретной непосредственной цели, ради которой образзуется тип, и в пренебрежении теми индивидуальными отличиями типизируемых объектов, которые нерелевантны для такой цели. Не существует такой вещи, как чистый, или простой, тип. Все типы являются реляционными терминами, имеющими, заимствуя выражение из математики, подстрочный индекс, относящийся к цели, ради которой они созданы. И эта цель является не чем иным, как теоретической

и практической проблемой, которая возникла из нашего ситуационно определенного интереса на фоне принимаемого как данность мира. Однако наш нынешний интерес возник в результате нашей конкретной биографической ситуации в нашем окружении, как мы ее видим.

Отнесение типа к проблеме, для решения которой он был создан, его *проблемная релевантность*, как мы будем называть ее, конституирует смысл типизаций. Так может быть создан ряд типов конкретных уникальных объектов, каждый из которых подчеркивает определенные аспекты, которыми объект обладает наряду с другими объектами, потому что только эти аспекты релевантны для существующей в данный момент практической и теоретической проблемы. Каждая проблема требует, таким образом, своей типизации. Это не значит, что для каждой отдельной проблемы может быть создан только один конкретный тип. Напротив, для решения одной проблемы могут и часто должны создаваться многочисленные типы. О хорошо описанной проблеме можно сказать, что она является средоточием всех возможных типов, которые могут быть сформированы для ее решения, то есть всех проблемно релевантных типов. Мы можем также сказать, что все эти типы принадлежат, в силу самого факта их отнесения к одной и той же проблеме, к одной и той же *области релевантностей*¹.

Выражение «одна и та же проблема» является сокращением. Если быть более точным, то следует говорить об области релевантностей как конституированной множеством взаимосвязанных проблем. Необходимо помнить, что изолированных проблем не существует. Всякая проблема дана в контексте; она задает свои внешние горизонты, которые относятся и к другим проблемам, и имеет свои неограниченные внутренние горизонты, импликации которых можно — по крайней мере потенциально — эксплицировать в каждом новом исследовании. Определение условий, при которых проблема должна считаться решенной, *то есть* точки, в которой можно прекратить дальнейшее исследование, входит в формулировку самой проблемы. Это, между прочим, включает проведение разграничительной линии между проблемно-релевантными признаками и всеми остальными элементами рассматриваемого поля, считающимися простыми «данными». Таким образом, данные в настоящий момент являются бесспорными фактами, в которых нет необходимости сомневаться до следующего наблюдения. Однако именно система проблемных релевантностей устанавливает границы между типическим и тем, что было опущено

¹ Под термином «релевантность» всегда подразумевается «проблемная релевантность», как она была определена прежде. Существуют также другие формы релевантности, которые, однако, не будут рассматриваться в данной статье.

при типизации. (Часто нетипизированное путают с атипичным, что является грубой ошибкой.)

Из того, что система проблемных релевантностей, со своей стороны, зависит от интересов, возникающих в конкретной ситуации, следует, что один и тот же объект или событие может оказаться релевантным и иррелевантным, типизированным и нетипизированным и даже типичным и атипичным по отношению как к различным проблемам, подлежащим решению, так и к различным ситуациям, в которых объект или событие возникает, то есть по отношению к различным интересам. Проиллюстрируем последний случай: если родители замечают, что их ребенок ведет себя «странным», *то есть* атипичным образом, то психолог может их успокоить, сказав, что такое поведение «типично» для детей этого возраста. Родители и психологи используют различные системы релевантностей и, следовательно, различные типы интерпретации одного и того же события.

Таким образом, поле повседневного опыта в каждый конкретный момент структурировано на различные области релевантностей, и только преобладающая система релевантностей определяет, что должно быть принято в качестве типически равного (гомогенного) и что — в качестве типически различного (гетерогенного). Это положение верно для всех видов типизаций. Однако в принимаемом как данность социальном мире мы обнаруживаем, как показал предшествующий анализ, социально одобренную систему типизаций, именуемую образом жизни мы-группы. Представляется, что этот образ жизни конституирует особую структуру областей релевантностей, которые также считаются сами собой разумеющимися. Ее происхождение можно легко понять: мир, принимаемый мы-группой как данность, представляет собой общую ситуацию, в которой на общем горизонте возникают общие проблемы, требующие типических решений типическими средствами для достижения типических целей.

Каждая из этих проблем определяет, что для нее релевантно, а что нет. Таким образом очерчиваются социально принятые области общих релевантностей, хотя это не обязательно значит, что их система полностью интегрирована или что они не пересекаются. Они часто бывают неконсистентными и иногда даже противоречат друг другу. Система также не является статической. Напротив, она меняется, например, от поколения к поколению, и ее динамическое развитие является одной из главных причин, обуславливающих изменения в самой социальной структуре.

Система релевантностей и типизаций в каждый исторический момент сама является частью социального наследия и как таковая передается через образовательный процесс членам мы-группы, выполняя следующие важные функции.

Она определяет, какие факты или события должны толковаться как существенно — то есть типично — равные (гомогенные) для ре-

шения типичным образом типичных проблем, которые возникают в ситуациях, типизированных в качестве равных (гомогенных).

Она преобразовывает уникальные индивидуальные действия уникальных людей в типические функции типичных социальных ролей, возникающие из типичных мотивов, направленных на достижение типичных целей. От человека, исполняющего определенную роль, другие члены мы-группы ожидают типического поведения, определенного этой ролью. С другой стороны, вживаясь в роль, играющий ее типизирует себя, то есть начинает действовать так, как, предположительно, должны действовать бизнесмен, солдат, судья, отец, друг, вожак банды, спортсмен, приятель, постоянный спутник, хороший парень, американец, налогоплательщик и т. д. Таким образом, всякая роль включает самотипизацию ее исполнителя.

Она функционирует и как схема интерпретации, и как схема ориентации для каждого члена мы-группы и конституирует для них тем самым универсум дискурса. Считается, что каждый (включая меня), кто действует социально одобренным типичным способом, имеет соответствующие мотивы и стремится к достижению соответствующего типичного положения дел. У него есть обоснованный шанс прийти с помощью таких действий к согласию с каждым, кто принимает ту же самую систему релевантностей и считает само собой разумеющимися возникающие в ней типизации.

С одной стороны, я должен — для того, чтобы понимать другого — применять систему типизаций, принятую группой, к которой мы оба принадлежим. Например, если он использует английский язык, то я должен интерпретировать его высказывания исходя из словарного состава и грамматики английского языка. С другой стороны, для того чтобы стать понятным другому, я сам должен использовать ту же самую систему типизации как схему ориентации для моего спроектированного действия. Конечно, существует явный шанс (явная вероятность), что система типизаций, используемая мной как схема ориентации, совпадет с той, которую мой ближний использует как схему интерпретации; иначе было бы невозможно избежать недоразумений между здравомыслящими людьми. По меньшей мере изначально мы считаем само собой разумеющимся, что мы оба имеем в виду то, что говорим, и говорим то, что имеем в виду.

Шансы человеческой интеракции на успех, то есть на установление соответствия между системой типизаций, используемой актором в качестве схемы ориентации и его окружением в качестве схемы интерпретации, повышаются, если система типизации стандартизирована, а система соответствующих релевантностей институционализована. Этой цели служат различные средства социального контроля (обычай, мораль, право, правила, ритуалы).

Социально оправданная система типизаций и релевантностей представляет собой общее поле, на котором возникают частные типи-

зации и структуры релевантностей индивидуальных членов группы. Это объясняется тем, что частная ситуация индивида, как она определена им самим, всегда является ситуацией внутри группы, его частные интересы соотнесены с интересами группы (будь то путем партикуляризации или путем антагонизма), его частные проблемы с необходимостью пребывают в одном контексте с групповыми проблемами. Опять же эта частная система областей релевантности сама по себе может быть неконсистентной; она также может быть несовместимой с социальными одобренными системами. Например, я могу иметь совершенно различные установки по отношению к проблемам перевооружения США, исполняя социальные роли отца молодого человека, налогоплательщика, прихожанина своей церкви, патриотически настроенного гражданина, пацифиста и профессионального экономиста. Тем не менее все эти частично противоречащие друг другу и пересекающиеся системы релевантностей — как те, что считаются группой само собой разумеющимися, так и мои частные — конституируют особые области релевантностей; все объекты, факты, события гомогенны в том смысле, что они релевантны для одной и той же проблемы. Но равны ли они вследствие этого или, по меньшей мере, равны ли они в каком-то отношении? Или они просто считаются равными, хотя и не являются таковыми? И какое понятие противоположно понятию равенства — «неравенство» или просто «различие»?

Попытка ответа на эти вопросы вводит нас в новый аспект нашего исследования.

III. ПОНЯТИЕ РАВЕНСТВА И СТРУКТУРА РЕЛЕВАНТНОСТИ

В предыдущем разделе мы показали, что само собой разумеющийся для повседневного мышления социальный мир разделен на различные области релевантностей, каждая из которых конституирована группой проблемно релевантных типов. Типизация состоит в отвлечении от тех индивидуальных признаков типизируемых объектов, фактов или событий, которые иррелевантны для существующей в настоящий момент проблемы. В определенном смысле можно сказать, что все объекты, подпадающие под один и тот же тип, «равны» или, по меньшей мере, считаются таковыми. Например, мы думаем о людях как о французах или немцах, католиках или протестантах, чужих или соседях, неграх или азиатах, богатых или бедных, говорящих по-английски или по-русски. Каждый из этих терминов обозначает тип, и все индивиды, подпадающие под такой тип, рассматриваются как взаимозаменяемые в отношении типизированной черты.

Это, конечно, один из смыслов весьма неоднозначного понятия равенства. Для того чтобы избежать семантической путаницы, было бы лучше называть все объекты, факты, события, людей, черты, подпадающие под один и тот же тип и, таким образом, относящиеся к

одной и той области релевантности, *гомогенными*. Элементы, относящиеся к различным областям релевантностей, назовем *гетерогенными*. Мы предлагаем оставить термины «равенство» и «неравенство» для отношений элементов, принадлежащих к одной и той же области релевантности.

Всегда нужно помнить, что даже в гомогенной области существуют различия в степени выраженности типизированных черт и характеристик и различия черт и характеристик, которые не находятся в фокусе создаваемого типа и могут, таким образом, быть названы «пока нетипизированными элементами». Для них требуется формирование дополнительных типов, или же подтипов того же порядка, или же типов разного порядка. Тип «военный», например, включает как генералов, так и рядовых, тип «студент колледжа» — как старшекурсников, так и первокурсников, и среди них студентов различных способностей и различной успеваемости. Равенство и неравенство в этом смысле относятся к различным степеням совершенства исполнения, достижения и статуса, но только гомогенных элементов, — то есть сравнению подлежат только элементы, принадлежащие к одной и той же области релевантностей. Обсуждение проблем равенства и неравенства часто затруднено тем фактом, что эти термины применяются к отношениям между гетерогенными элементами.

Аристотель в знаменитом фрагменте своей «Политики» (1282 в 15 — 1283 а 20) обсуждал эти и некоторые другие связанные с ними проблемы, представляющие для нас непосредственный интерес. Речь идет о справедливости; отмечается, что все люди понимают справедливость как своего рода равенство: «Не следует, однако, оставлять без разъяснения, в чем заключается равенство, а в чем — неравенство; этот вопрос представляет трудность, к тому же он принадлежит к области политической философии» [3, с. 467]

Было бы ошибочным говорить, утверждает Аристотель, что лица, превосходящие других в каком бы то ни было отношении, должны занимать посты в государстве. Если бы это было правильно, то телосложение, или рост человека, или любое другое преимущество были бы для него основанием претендовать на большую долю политических прав. Но нельзя сравнивать рост и богатство; и то, и другое нельзя сопоставлять со свободой. Поскольку такие сравнения невозможны, то, очевидно, тот факт, что некоторые медлительны, а другие быстры, не является основанием для того, чтобы одни имели больше политических прав, чем другие. Превосходство в этой области важно при гимнастических соревнованиях, в то время как притязания кандидатов на должность могут основываться только на обладании элементами, составляющими государство².

² У Аристотеля: «Только элементы, составляющие государство, должны быть мерилom при соперничестве» [3, с. 469]. — *Прим. ред.*

Если мы переведем эти наблюдения Аристотеля в терминологию данной статьи, то можно сказать, что равенство или неравенство относительны и должны определяться в терминах областей релевантностей, к которым они принадлежат. Степени достоинства и превосходства различаются только внутри каждой из этих областей. Более того, то, что сравнимо в терминах системы одной области, не сравнимо в терминах других систем, и по этой причине применение обозначений, не относящихся к одной и той же области релевантности, ведет к логическим и аксиологическим (моральным) несоответствиям. Это положение явно предстает как аристотелевское, потому что в отрывке, который мы только что рассматривали, Аристотель иллюстрирует и развивает очень важную для нашего исследования идею: «В самом деле, из одинаково искусных флейтистов разве следует давать лучшие флейты тем, кто выдается своим благородным происхождением? Ведь они от этого лучше играть не будут. Тому, кто отличается своей игрой на флейте, следует давать и лучший инструмент» [3, р. 468]. Предупредив читателя («Если наши слова все еще не ясны, они станут понятными при дальнейшем обсуждении приведенного нами примера»), Аристотель продолжает: «Положим, кто-нибудь, отличаясь искусной игрой на флейте, значительно уступает другому в благородстве происхождения или красоте (*а каждое из этих преимуществ, т. е. благородство происхождения и красота, конечно, есть более драгоценное благо сравнительно с игрой на флейте, нежели возвышается флейтист своей игрой*)³, — и все же этому флейтисту следует давать лучшую флейту. Иначе пришлось бы согласиться, что преимущества, доставляемые богатством и благородством происхождения, должны оказывать решающее влияние на музыкальное исполнение, между тем как никакого влияния они не имеют» [3, р. 468]. Здесь не только ясно утверждается, что привилегии рождения и богатства являются элементами гетерогенными для сферы релевантности игры на флейте; из этого отрывка также следует, что существует определенный ранговый порядок среди самих сфер релевантности и что даже если рождение, красота или богатство — достоинства более высокого порядка, чем искусство игры на флейте, качество игры на флейте тем не менее должно определяться в пределах сферы релевантности, к которой относится эта артистическая деятельность.

Таким образом, сами сферы релевантности организованы в порядке превосходства и подчиненности; и их порядок различен для различных групп. Это можно ясно увидеть из другого фрагмента [4], в котором проблема равенства обсуждается в связи с понятием справедливого распределения. Вопрос состоит в том, как определенное благо, скажем вознаграждение, следует справедливо распределить между двумя лицами. Согласно Аристотелю, здесь используются че-

³ Выделено А. Шютцем. — Прим. ред.

тыре понятия: два лица и две части, на которые должно быть разделено благо. Распределение справедливо, если благо разделено в пропорции С : Д, равной соотношению достоинств между лицами А : В [5, p. 210].

Это, конечно, та же самая идея, что и в платоновском геометрическом равенстве (*isótēs geometrikē*), которое разработано в «Законах» VI, 757 А и противопоставлено *isotēs arithmetikē*, являющемуся лишь равенством при измерении веса и количества, что позволяет определить, например, равенство голосов на выборах при демократии (этот термин понимается в смысле, в котором он использован у Платона). Так, Платон говорит: «Для неравных равное стало бы неравным, если бы не соблюдалась надлежащая мера».

Далее Аристотель отмечает (и это для нас основной момент), что достоинство по-разному оценивается в разных государствах: при демократии главным (стандартом) является свобода, и все свободные люди считаются равными; при олигархии — богатство и благородное происхождение; при аристократии — добродетель.

Это значит, что сам порядок сфер релевантности для отдельно взятой социальной группы является элементом относительно естественного мировоззрения, принимаемым как данность. В каждой группе порядок этих сфер имеет свою особую историю. Он входит в состав социально одобренного и социально приобретенного знания, и часто институционализирован. Принципы, предположительно лежащие в основе этого порядка, многообразны. В «Законах» Платона (631 С, 697 В, 728 Е), например, все детали предполагаемого законодательства выводятся из благ разного порядка — божественных (мудрость, умеренность, мужество, справедливость) и человеческих (здоровье, красота, сила, богатство); вещи, в которых заинтересован каждый человек, имеют также свои специфические ранги: денежные интересы имеют самый низший ранг, далее следуют телесные интересы, наивысшим рангом обладают интересы души («Законы», 743 Е). Платон приходит к заключению, что закон, согласно которому здоровье предпочитается умеренности или богатство — обоим этим благам, должен считаться неправильным.

Это всего лишь один из множества принципов, в соответствии с которыми можно ранжировать сферы релевантности. Утверждение Аристотеля о том, что достоинства по-разному оцениваются в разных государствах, содержит важный элемент современной социологии знания. Мы должны вспомнить данные Макса Шелера о том, что в любой культуре высший ранг приписывается одному из трех различаемых им типов знания — знанию ради господства (*Beherrschungswissen*), знанию ради образования (*Bildungswissen*), знанию ради спасения (*Heilswissen*) — и, соответственно, одному из трех типов человека знания: ученому-специалисту, мудрецу и святому. Принятие обществом такого рангового порядка определяет всю

структуру конкретной культуры. Наконец, слова Аристотеля напоминают положения современной антропологии (Линтон) и социологии (Парсонс — Шилз) о предписывании и достижении как базовых детерминантах статуса и ролевых ожиданий в социальной системе.

Однако совершенно независимо от конкретного принципа, в соответствии с которым в данной группе устанавливался порядок различных сфер релевантности, можно сформулировать некоторые общие положения относительно их формальной структуры:

Различные сферы релевантности несоизмеримы друг с другом, они принципиально гетерогенны: невозможно применить критерии превосходства, действующие в одной сфере релевантности, к другой сфере.

Структура релевантностей, которая конституирует конкретные сферы релевантности, и сам порядок этих сфер в каждой группе постоянно изменяются. Это прежде всего определяет динамику понятий равенства и неравенства, принятых отдельной группой. Данные понятия меняются: а) если по той или иной причине структура релевантностей, которая демаркирует *отдельную* сферу типизации, не принимается более как данность, начинает вызывать сомнения — факт, который может привести к проникновению в отдельную сферу релевантности другой, гетерогенной, сферы; б) если *порядок* сфер релевантности больше не является социально одобренным или перестает считаться само собой разумеющимся.

Поскольку области релевантности и их порядок сами являются элементами социальной ситуации, они могут быть определены различными способами в соответствии со своим субъективным и объективным смыслами. Это, однако, открывает нам другой аспект нашей проблемы.

IV. РАЗЛИЧНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИРА, СЧИТАЮЩЕГОСЯ САМО СОБОЙ РАЗУМЕЮЩИМСЯ

Папа, мама и я,
Сестренка и тетя знаем:
Люди, такие, как мы, это Мы,
А все остальные — Они.
Они далеко-далеко,
А мы — это те, кто рядом,
Но, только представьте себе, ведь Они
Считают: Они — это мы!

Р. Киплинг [6]

Система типизаций и релевантностей, формирующая часть относительно естественного воззрения на социальный мир, является одним из средств, с помощью которых группа определяет свою ситуа-

цию в социальном космосе и одновременно становится интегральным элементом самой ситуации. Однако термины «ситуация» и «определение ситуации» неоднозначны. Уже У.А. Томас показал, что необходимо различать ситуацию, как она определена изнутри актором или группой, и ситуацию, как она определена аутсайдером. Это более или менее совпадает с различием, которое Самнер проводит между мы-группой и они-группой; подобное различие лежит также в основе понятий субъективной и объективной интерпретации у Вебера.

В этом разделе мы обратимся к смыслам, которые имеет мир как само собой разумеющийся: 1) с точки зрения мы-группы, 2) с точки зрения они-группы, 3) с точки зрения социального ученого и 4) с точки зрения философа. В разделе V мы рассмотрим применение дихотомии субъективной и объективной интерпретации к ряду проблем, тесно связанных с вопросом равенства.

1. Интерпретация мы-группой мира, который она считает само собой разумеющимся

Уильям Самнер ввел в оборот рабочий термин «этноцентризм» для обозначения позиции, при которой точкой отсчета является собственная группа, а все остальные рассматриваются и оцениваются относительно нее: «Каждая группа считает свои обычаи единственно правильными, и если она видит, что обычаи других групп отличаются от ее собственных, это вызывает с ее стороны презрение и насмешки. Различие в обычаях отражено в оскорбительных эпитетах — “поедающие свиней”, “поедающие коров”, “необрезанные”, “бормотуны”» [7].

Однако этноцентризм нуждается в некотором обосновании. Как подчеркивал Эрик Фёгелин [8, P. 27 ff., 53 ff], каждое общество рассматривает себя как маленький космос с собственным внутренним источником света, и ему необходимы символы, связывающие его порядок с порядком большого космоса. Р. Макайвер в своей замечательной книге «Государственная сеть» («The Web of Government») говорит в этой связи о «главном мифе», управляющем идеями группы, его рационализации и институционализации. Другие авторы пишут о доминирующих идеологиях (Мангейм) и «осадках» (Парето).

Этот главный миф по Макайверу, или схема самоинтерпретации, принадлежит к относительно естественному мировоззрению, которое мы-группа принимает как данность. Например, идея равенства может быть отнесена к ценностям, предписанным Зевсом, или считаться возникающей в структуре души; она может пониматься как отражение космического порядка или естественного права, открытых Разумом; она может считаться священной и быть связанной с различными табу. Всякое изменение этого порядка влечет за собой особые санкции как нарушающее космический порядок, вызывающее месть богов и несчастье для группы в целом.

Необходимо учитывать, что самоинтерпретация группы, ее главный миф, а также формы его рационализации и институционализации могут изменяться в ходе ее истории. Хороший пример — изменение смысла «равенства» в политических текстах США: от Декларации независимости («Мы считаем самоочевидным, что все люди созданы равными») до пятой и четырнадцатой поправок и многообразных их толкований Верховным судом США, ведущих к доктрине «раздельные, но равные»⁴, и ее недавней отмене.

2. Интерпретация они-группой мира, который мы-группа считает само собой разумеющимся

Члены они-группы не считают образ жизни мы-группы очевидно и безусловно истинным. Ни один символ веры и ни одна историческая традиция не обязывают их принимать в качестве правильных и добродетельных обычаи какой бы то ни было группы, кроме собственной. Не только главный миф, но и процессы его рационализации и институционализации у них другие. Другие боги открывают другие кодексы правильной и добродетельной жизни, другие вещи священные и табуированы, приняты другие положения естественного права⁵. Аутсайдер оценивает стандарты чужой группы в соответствии с системой релевантностей в том естественном аспекте, который мир имеет для его родной группы. Поскольку нельзя найти формулу для преобразования системы релевантностей и типизаций в изучаемой группе в систему родной группы, чужие методы остаются непонятными; часто они полагаются имеющими меньшую ценность, маловажными.

Это принцип действует, правда, в несколько ослабленном виде, и при отношениях между группами, имеющими много общего, то есть там, где две системы в значительной степени согласуются. Например, еврейским иммигрантам из Ирака очень трудно смириться с тем, что их практика полигамии и вступления в брак в детстве запрещена законами Израиля — родины евреев. Другой пример связан с дискуссией 1789 года в Национальной ассамблее Франции, когда Лафайет представил свой первый проект Декларации прав человека, составленный по американскому образцу. Некоторые ораторы обратили внимание на базовые различия между американским и французским обществом: ситуация новой страны, колонии, отделившейся от метрополии, отлична от ситуации страны, живущей по конституционным нормам в течение четырнадцати веков. Принцип равенства имел бы совершенно разные функции и смысл в исторических условиях обеих

⁴ Раздельные, но равные возможности, например, раздельные школы для белых и черных и пр. — *Прим. ред.*

⁵ Т.В. Смит подчеркивал, что Локк использовал естественное право и равенство для ниспровержения тиранов, а Гоббс — для возведения на престол «смертного бога» [9, р. 6].

стран; равный способ распределения богатства и одинаковый образ жизни в Америке допускают уравнительную фразеологию, неприменимую к высокодифференцированному французскому обществу [10, S. 82-120].

Однако важно понять, что самоинтерпретация мы-группы и интерпретация ее естественного мировоззрения они-группой часто взаимосвязаны. И эта взаимосвязь имеет два аспекта:

1. С одной стороны, мы-группа часто ощущает себя неправильно понятой они-группой; такое непонимание их образа жизни коренится, как полагает мы-группа, во враждебных предрассудках или в недобросовестности, поскольку истины, которых придерживается мы-группа, являются «сами собой разумеющимися», самоочевидными и поэтому понятными любому человеку. Это ощущение может привести к частичному сдвигу системы релевантностей, преобладающей в мы-группе, за счет возникающей при сопротивлении внешней критике солидарности. Тогда на внешнюю группу смотрят с отвращением, неприязнью, ненавистью или страхом.

2. Это, с другой стороны, приводит к возникновению порочного круга: они-группа в силу изменившейся реакции мы-группы укрепляется в своей интерпретации свойств мы-группы как ненавистных⁶. Выражаясь в более общей форме: к естественному аспекту, который мир имеет для группы А, принадлежит не только определенная стереотипная идея естественного аспекта, который мир имеет для группы В, но также и стереотип предположительного видения группой В группы А. Это тот же феномен, который Кули в отношениях между индивидами назвал «зеркальным эффектом», но только большего масштаба, *то есть* существующий между группами.

Такая ситуация может привести к различным установкам мы-группы по отношению к они-группе: мы-группа может придерживаться своего образа жизни и пытаться изменить отношение к себе они-группы с помощью распространения информации, убеждения, соответствующей пропаганды. Или мы-группа может пытаться приспособить свой образ мыслей к образу мыслей они-группы, принимая, по меньшей мере, частично, модель релевантностей последней. Может также проводиться политика железного занавеса или уступок; наконец, может не быть иного пути разорвать порочный круг, кроме войны любой «температуры». Возможно также, что члены мы-группы, выступающие за взаимопонимание, будут восприниматься сторонниками радикального этноцентризма как нелояльные, предатели и т. д. — факт, который опять-таки ведет к изменению самоинтерпретации социальной группы.

⁶ О проблеме порочного круга предрассудков см. книгу Р. Макайвера [11] и доклад Генерального секретаря ООН [12, sections 56 ff].

Это только некоторые иллюстрации того, как интерпретация они-группы меняет естественное мировоззрение мы-группы. На основе умозрительных рассуждений невозможно построить завершенную типологию, но здесь, очевидно, открывается широкое поле для весьма важных эмпирических исследований. При этом необходимо учитывать особые личностные типы: например, чужак, который хочет быть принятым в группе, человек, поменявший свои убеждения, ренегат, маргинал, — а также различные установки, выработанные по отношению к ним мы-группой. Все эти ситуации связаны с проблемами равенства и равных возможностей.

3. Интерпретация порядка релевантностей социологом

Мы не будем здесь подробно останавливаться на этой сложной теме, которая к тому же рассматривалась ранее [13, р. 3-47; 14, р. 48-66]. Нужно только подчеркнуть, что социальный ученый *как* теоретик должен использовать систему релевантностей, совершенно отличную от той, которая определяет его поведение как актора на социальной сцене. Научная ситуация, то есть контекст научных проблем, замещает его ситуацию как человека, находящегося среди ближних в социальном мире. Проблемы теоретика возникают в сфере его теоретических интересов; многие элементы социального мира, релевантные с научной точки зрения, иррелевантны с точки зрения актора на социальной сцене, и *наоборот*. Более того, типические конструкты, формулируемые социальным ученым для решения своей проблемы, являются, так сказать, конструктами второй степени, а именно конструктами конструктов здравого смысла, в терминах которых повседневное мышление интерпретирует социальный мир.

4. Интерпретация порядка релевантностей с философской, мифологической и теологической точек зрения

Во всех этих интерпретациях система релевантностей, преобладающая в данной социальной группе, исследуется не сама по себе, а исходя из принципа высшего порядка. Несомненно, такой подход обязателен для развития философии равенства и оснований этики. Однако эти темы намеренно исключены из настоящей статьи.

Тем не менее имеет смысл обратиться — не углубляясь во все сложности проблемы — к влиянию философских идей на самоинтерпретацию группы, и *наоборот*. Это широкое поле <исследований> для социологии знания, понимающей свою задачу. Легко видеть, что философские и теологические системы оказывают значительное влияние на смысловую структуру мира, считающегося само собой разумеющимся. Наиболее ценный вклад в развитие такой теории был внесен опять-таки Шелером в его исследовании взаимоотношения материальных факторов (*Realfaktoren*, таких, как раса, геополитиче-

ская структура, отношения политической власти, условия экономического производства) и идеальных факторов (*Idealfaktoren*).

По Шелеру, идея, философская система или даже научное понятие могут стать эффективными в рамках данной социальной действительности только в том случае, если к этому готовы *материальные факторы* — в нашей терминологии им соответствует структура социальной группы в интерпретации самой этой группы. Материальные факторы открывают и закрывают, так сказать, шлюзы, через которые должен пройти поток *идеальных факторов*. С другой стороны, идеальные факторы могут руководить слепыми материальными факторами и направлять их. Согласно Контю, история материальных факторов характеризуется *fatalité modifiable*⁷, а поток идеальных факторов демонстрирует *liberté modifiable*⁸, а именно свободу, перевод которой в социальную действительность обусловлен сопротивлением материальных факторов.

Приведем пример из истории понятия равенства. Равенство, основанное на идее естественного права, могло возникнуть только после того, как философия обратилась к понятию природы [15]. Выведение равенства из божественного закона предполагает, что лежащая в основе последнего теология принята обществом как данность. Только идея прогресса разума, разрабатывавшаяся от Гоббса и до Руссо, позволяет сделать допущение о начальном естественном состоянии, в котором все люди свободны и равны. И только особая административная и политическая структура Римской империи привела римских юристов к диалектике *jus naturale* и *jus gentium*⁹ [16, р. 48 ff, 76].

V. СУБЪЕКТИВНАЯ И ОБЪЕКТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Рассмотрим категории субъективной и объективной интерпретации, относящиеся к трем основным типам, в трех основных разделах:

А. Субъективный и объективный смысл понятия «социальная группа»;

В. Субъективный и объективный смысл равенства;

С. Субъективный и объективный смысл равных возможностей.

А. Субъективный и объективный смысл понятия «социальная группа»

До сих пор в нашем изложении имел место серьезный недостаток. Мы весьма некритически использовали такие понятия, как «социальная группа», «мы-группа», «они-группа», не анализируя смысл

⁷ Неизбежность, поддающаяся изменению (фр.). — Прим. ред.

⁸ Свобода, поддающаяся изменению (фр.). — Прим. ред.

⁹ Естественное право и международное право. — Прим. ред.

группового членства для индивидов, составляющих группу, с одной стороны, и для аутсайдеров, с другой. Самнеровское различие между *мы-группой* и *они-группой* можно прояснить только при сравнении его с базовой антитезой субъективного и объективного смысла. Другими словами, сам термин «группа» для тех, кто говорит «*мы протестанты*», «*мы американцы*» и т. д., имеет совершенно иной смысл, чем для тех, кто говорит «католики», «русские», «негры».

Широко известное деление групп на добровольные и недобровольные (распространенное в социологии) отнюдь не помогало разобраться в данной проблеме. Я не могу выбирать свой пол и расу, место рождения и национальную группу, в которой я родился; не могу я также выбирать родной язык и воспринятое мной в детстве видение мира, принимаемое моей группой как данность. Я не могу выбирать своих родителей, братьев и сестер или социальный и экономический статус родительской семьи. Мое членство в этих группах и предписанные мне социальные роли являются экзистенциальными элементами ситуации, которые я должен учитывать и к которым я должен приспособливаться.

С другой стороны, я могу выбирать супругу, друзей, партнеров по бизнесу, профессию; могу изменить свою национальность и даже религию. Я могу добровольно стать членом существующих групп или создать новые (дружба, брачные отношения), определить, по крайней мере в некоторой степени, свою роль в них и даже постараться достичь желательных для себя позиции и статуса.

Это различие недобровольных — или, лучше, экзистенциальных — и добровольных групп оправдано и полезно во многих отношениях. Но хотя оно и имеет отношение к различению субъективного и объективного смыслов группы, оно все же не совпадает с ним.

1) Субъективный смысл группового членства

Субъективный смысл группы — смысл, который группа имеет для своих членов, — часто описывался через чувство общности, испытываемое членами группы, или понимание того, что они имеют общие интересы, и это верно. Но, к сожалению, эти понятия анализировались лишь частично, а именно в терминах сообщества и ассоциации (Макайвер), *Gemeinschaft* (общины) и *Gesellschaft* (общества) (Теннис), первичных и вторичных групп (Кули) и т. д.

Мы не намерены следовать этим направлениям, и не потому, что мы сомневаемся в их важности, а потому, что полагаем, что именно само чувство «совместности» и «общности интересов», от которого они отталкиваются, требует глубокого анализа в терминах повседневного мышления (в отличие от концепций социальных наук).

Исследования, проведенные в первом разделе этой работы, отчасти могут быть здесь полезны: субъективный смысл, который группа имеет для своих членов, состоит в их знании общей ситуации

и вместе с тем общей системы типизаций и релевантностей. Эта ситуация имеет свою историю, включающую биографии членов группы; система типизаций и релевантностей, определяющая ситуацию, формирует общее естественное мировоззрение. Здесь члены группы находятся «дома», то есть они без труда ориентируются в своем общем окружении, руководствуясь рецептами более или менее институционализированных привычек, нравов, обычаев и т. д., которые помогают им согласовать свое поведение со своим окружением и с людьми, находящимися в такой же ситуации. Система типизаций и релевантностей, разделяемая с другими членами группы, определяет социальные роли, позиции и статусы каждого. Принятие общей системы релевантностей формирует у членов группы гомогенную самотипизацию.

Наше описание годится как для а) экзистенциальных групп, с которыми я разделяю общее социальное наследие, так и для б) так называемых добровольных групп, к которым я присоединился или которые сформировал. Различие, однако, состоит в том, что в первом случае индивид обнаруживает себя в предконституированной системе типизаций, релевантностей, позиций, статусов, полученных им в готовом виде в качестве социального наследия. В случае же добровольных групп эта система не переживается индивидом как готовая; она должна быть создана членами группы и поэтому всегда находится в процессе динамической эволюции. Только некоторые из элементов ситуации являются общими с самого начала, другие же должны быть созданы посредством совместного определения общей ситуации.

Здесь возникает очень важный вопрос: как отдельный член группы определяет свою частную ситуацию в рамках общих типизаций и релевантностей, используемых для определения групповой ситуации самой группой? Прежде чем мы на него ответим, хотелось бы сказать несколько слов в предостережение.

Наше описание является чисто формальным и не имеет отношения ни к природе связи, объединяющей группу, ни к масштабу, длительности и близости социального контакта. Оно, следовательно, равно применимо к браку или деловому предприятию, к членству в шахматном клубе или гражданству в государстве, к участию в митинге или к принадлежности к западной культуре. Но каждая из этих групп соотносится с большей, элементом которой она является. Брак или деловое предприятие имеют место, разумеется, в рамках культурного окружения большей по размерам группы и в соответствии с образом жизни, преобладающим в этой культуре (включая ее нравы, мораль, законы и т. д.), который предзадан отдельным акторам как схема ориентации и интерпретации их действий. Однако партнеры по браку или бизнесу определяют и постоянно переопределяют свою индивидуальную (частную) ситуацию в заданных рамках.

Очевидно поэтому для Макса Вебера существование института брака или государства означает лишь простую вероятность, что люди

будут действовать определенным образом — или, в терминологии этой статьи, в соответствии с общей структурой типизаций и релевантностей, принимаемой как данность в конкретной социокультурной среде. Эта структура воспринимается отдельными членами как набор институционализированных образцов, которые должны быть интериоризированы: для реализации своих частных интересов индивид должен определить свою личную уникальную ситуацию, используя такой образец.

Здесь мы сталкиваемся с одним из аспектов того, как индивид определяет ситуацию своего группового членства. Отсюда возникает особая установка, выбираемая индивидом для адаптации к своей социальной роли в группе. Одно дело — объективный смысл социальной роли и ролевого ожидания в соответствии с институционализированным образцом (скажем, должностью президента США), другое — особый субъективный способ, которым человек, занимающий эту должность, определяет свою ситуацию в ней (интерпретация Рузвельтом, Трумэном, Эйзенхауэром своей миссии).

Однако самым важным при определении частной ситуации является то, что индивид всегда оказывается членом многих социальных групп. Как показал Зиммель, каждый индивид находится на пересечении нескольких социальных кругов и их количество будет тем большим, чем более дифференцирована личность индивида. Это происходит потому, что уникальность личности придает именно то, что не может быть разделено с другими.

Согласно Зиммелю, группу формирует процесс, в котором *многие* индивиды объединяют *части* своих личностей — специфические импульсы, интересы, силы; в то же время их подлинная сущность остается вне этой общей сферы. Группы различны по своему характеру; это связано с личностями их членов в целом и теми их частями, которыми они участвуют в группе [17, р. 203-204]. В другом месте Зиммель говорит об униженности и подавленности, испытываемых индивидом при нисхождении его эго в нижние слои социальной структуры — идея, весьма важная для наших дальнейших исследований [17, р. 283].

Необходимо добавить, что при определении индивидом своей частной ситуации различные социальные роли, в которых он выступает в многочисленных группах, переживаются им как множество типизаций, которые, со своей стороны, организованы в своеобразном личном порядке сфер релевантности, находящемся, конечно, в постоянном движении. Возможно, что именно те признаки личности индивида, которые обладают для него релевантностью высшего порядка, иррелевантны с точки зрения любой системы релевантностей, считающейся само собой разумеющейся группой, членом которой он является. Это может привести к внутриличностным конфликтам, возникающим главным образом при попытке жить согласно различным и часто неконсистентным ролевым ожиданиям различных социальных

групп. Как мы видели, только когда речь идет о добровольном, а не экзистенциальном групповом членстве, индивид свободен определять, членом какой группы он хочет быть и какую роль в ней он хочет играть. Однако то, что индивид сам может выбирать, какой частью своей личности он будет входить в группу, что он может определять свою ситуацию в пределах роли, которую он играет, и свой личный порядок релевантностей, в котором каждое из его членств в различных группах имеет свой ранг, представляет собой по крайней мере один из аспектов свободы индивида. Эта свобода, вероятно, является более глубоким смыслом «неотчуждаемого права на стремление к счастью», и в дальнейшем мы будем так ее называть, несмотря на то, что это выражение интерпретировалось философскими радикалами не в связи с целостной личностью человека, а только в связи с материальным благосостоянием и удовлетворением [18, P. 22 ff].

2) *Объективный смысл группового членства*

До сих пор мы обсуждали субъективные смыслы группы с точки зрения людей, считающих себя ее членами и говорящих друг о друге в терминах «мы». Объективный смысл группового членства есть тот, который группа имеет с точки зрения аутсайдеров, говорящих о членстве в ней в терминах «они». При объективной интерпретации понятие группы является концептуальным конструктом аутсайдера. С помощью действия *своей* системы типизаций и релевантностей он объединяет индивидов, проявляющих определенные особые характеристики и черты, в социальную группу, которая гомогенна только с его, аутсайдера, точки зрения.

Конечно же, возможно, что сконструированная аутсайдером социальная категория соответствует социальной реальности, а именно: что принципы, определяющие такую типизацию, типизированные таким образом индивиды также считают элементами *своей* ситуации, которая определена *ими* и которая является релевантной с *их* точки зрения. Но даже в таком случае интерпретация группы аутсайдером не совпадет полностью с самоинтерпретацией мы-группы, как было показано на примере, рассмотренном в предыдущем разделе.

Однако возможно также, что люди, считающие друг друга гетерогенными, могут быть отнесены аутсайдером к одной и той же социальной категории, которая будет интерпретироваться как гомогенное объединение только им самим. Поэтому система релевантностей, ведущая к такой типизации, считается сама собой разумеющейся только аутсайдером, но не обязательно принимается индивидами, которые могут и не быть готовыми к соответствующей самотипизации.

Возникающее в результате расхождение между субъективной и объективной интерпретациями группы остается относительно безвредным до тех пор, пока индивиды, типизированные таким образом, не находятся под контролем аутсайдера. Американский образ жизни

не нарушается оттого, что иностранцы отождествляют его с образом, демонстрируемым голливудскими фильмами. На семейную жизнь реальных французов не оказывают никакого влияния образы, возникающие при чтении французских романов и комедий. Однако если аутсайдер обладает властью, позволяющей навязывать свою систему релевантностей типизируемым им индивидам и тем более принуждать к ее институционализации, это может вызвать у последних неоднозначные реакции.

Строго говоря, почти все административные и законодательные меры связаны с принудительным отнесением индивидов к определенным социальным категориям. Налоговые законы группируют их в классы по доходам, законы, регулирующие призыв в армию, — по возрастным группам, законы, регулирующие доход с недвижимости, относят их к различным категориям ее владельцев. Такого рода принудительная типизация вряд ли заставит людей считать себя членами мы-группы, хотя при желании они могут, например, сформировать комитет по защите [своих интересов].

С субъективной точки зрения такие типизации имеют небольшую значимость. Происходит это по двум причинам. Во-первых, они не упраздняют границы сфер релевантности и их порядок, которые индивиды, подпадающие под навязанную категорию, считают интегральными элементами своей ситуации. В нашем примере индивиды, определенные законом как налогоплательщики, призывники и владельцы недвижимости, рассматривают эти категории просто как разграничения внутри сферы релевантности, конституирующие «группу» законопослушных граждан, сферы, принятой ими и неизменной в ее гомогенности. Во-вторых, что еще более важно, только небольшая и внешняя часть личности индивида подвергается навязанной типизации такого рода. Здесь нет того чувства униженности и угнетенности, которое, как сказал Зиммель, возникает, если все это в целом должно нисходить на дно социальной страты. Единство личности остается нетронутым, и право индивида стремиться к счастью ущемляется незначительно.

Совершенно иная ситуация возникает, если навязанная типизация разрушает единство личности, отождествляя личность в целом или ее большую часть с некоторой чертой или характеристикой. Конечно, человек часто стремится отождествить всю свою личность с какой-то отдельной своей чертой при условии, что *в его собственном понимании* эта черта обладает высокой релевантностью. В таком случае он даже переживает такого рода самотипизацию как одну из высших форм самореализации.

Но если индивид вынужден отождествлять себя в целом с определенной чертой или характеристикой, относящей его в навязанной системе гетерогенных релевантностей к социальной категории, которую он никогда не считал релевантной для своей личной ситуации, он

чувствует, что более не является человеком со своими правами и свободой, а низведен до уровня безличного представителя типизированного класса. Он отчуждается от самого себя, он — всего лишь носитель типизированных черт и характеристик. Он ущемлен в своем праве стремиться к счастью.

Это может привести даже к полному разрушению его личного порядка сфер релевантности — то есть к кризису, как этот термин был определен в разделе I. То, что было несомненным до сих пор, теперь становится пугающе неопределенным; те факторы, которые ранее субъективно воспринимались как иррелевантные, теперь в связи с навязанными проблемами оказываются жизненно важными. Рассмотрим лишь несколько примеров: люди, которые порвали с иудаизмом и считали себя хорошими немцами, оказались по гитлеровским нюрнбергским законам евреями, если среди их дедушек или бабушек были евреи, — факт, прежде являвшийся совершенно иррелевантным. Беженцы из Европы, которые полагали, что нашли рай в США, попали после Перл-Харбора в категорию враждебных чужих из-за национальности, от которой они хотели отказаться. Изменение в правилах или определениях, установленных сенатским комитетом, превращает лояльных гражданских служащих в неблагонадежных. Проблема вины по ассоциации и коллективной ответственности целиком относится к области навязанных типизаций.

Чувство униженности, вызванное идентификацией личности индивида в целом или ее широких пластов с навязанной типизированной чертой, является одним из основных мотивов субъективного переживания дискриминации, которое мы рассмотрим в следующем подразделе.

В. Субъективный и объективный смысл равенства

Во втором разделе этой работы мы исследовали отношение между понятием равенства и структурой релевантностей. Руководствуясь идеями Аристотеля и Платона, мы обнаружили, что в любом обществе само собой разумеющейся считается не только определенная группа сфер релевантности, но также и определенный порядок этих сфер; каждая сфера состоит из гомогенных элементов. Мы пришли к заключению, что реляционные термины «равенство» и «неравенство» применимы только к гомогенным элементам, то есть к элементам, принадлежащим к одной и той же сфере релевантности, потому что гетерогенные — относящиеся к различным сферам — элементы не сравнимы друг с другом.

Тот факт, что равенство может существовать только внутри одной и той же сферы релевантности, объясняет, почему мы можем говорить о разделении политического равенства, равенства перед законом, равных шансов на обретение богатства, равенства возможностей, религиозного или морального равенства и т. д. и даже использо-

вать более тонкие различия из греческого словаря, приведенные во введении. Из того, что сферы релевантности определяются и упорядочиваются каждой социальной группой различным образом, следует, что содержание понятия равенства также является элементом относительно естественного воззрения на мир, которое считается само собой разумеющимся отдельной социальной группой. (Здесь, как и везде в этой работе, мы сознательно не рассматриваем понятия равенства, основанные на философских и религиозных принципах.) Возьмем пример из нашей современной культуры. Всеобщая декларация прав человека ООН (статья 2) провозглашает моральное и юридическое равенство, то есть равенство достоинства, формальное равенство в правах и равенство возможностей для всех людей, но не предусматривает обязательного материального равенства.

Однако анализ, проведенный нами в разделах III и IV (А), показал, что недостаточно отнести равенство к структуре релевантностей и естественному мировоззрению отдельной группы, потому что оба эти термина также неоднозначны. Естественное мировоззрение, преобладающее в отдельной группе, может интерпретироваться на различных уровнях (самоинтерпретация, интерпретация аутсайдером, научным и философским мышлением). Само понятие «группа» может быть представлено как субъективное и объективное. В данном случае мы попытаемся найти субъективные и объективные элементы понятия равенства. Однако нам придется ограничиться анализом немногих примеров. Систематическое толкование этой весьма запутанной проблемы, которая открывает обширное поле для эмпирического исследования выходит за рамки данной работы.

1) Субъективное и объективное конституирование гомогенных сфер релевантности

Наш первый вопрос состоит в том, конституируется ли отдельная гомогенная сфера релевантности, в которой в конкретном случае возникает проблема равенства или неравенства, субъективной интерпретацией членов группы или эта гомогенность относится к типизациям, навязанным со стороны.

Начнем с примера. Если «Дочери Американской революции» не позволяют Мариан Андерсон использовать их концертный зал в Вашингтоне (федеральный округ Колумбия), потому что она негритянка, то такое действие совершенно справедливо будет рассматриваться как дискриминационное, базирующееся на том, что в результате навязанной типизации со всеми людьми, отнесенным к категории «негры», обращаются одинаково. Мы можем сказать, что цвет кожи не имеет «ничего общего» с мастерством певицы, так же как в примере Аристотеля богатство не имеет ничего общего с мастерством флейтиста. Но является ли такое обобщение истинным? Могла бы Мариан Андерсон петь в своей неповторимой манере негритянские *спиричу-*

экс¹⁰, если бы она не разделяла с неграми как со своими близкими это специфическое культурное наследие, эту страстную экспрессию? Если исходить из этой точки зрения, разве принадлежность к расе не имеет нечто общее с артистическим мастерством? И является ли такая навязанная типизация дискриминационной в уничижительном смысле слова?

Во-первых, наш пример показывает, что конституирование сфер релевантности как таковых возникает при навязанной типизации. Во-вторых, в более общих терминах этот пример ставит нас перед весьма важным вопросом: содержит ли само по себе навязывание типизации, то есть подведение индивидов под определенную социальную категорию аутсайдером, такую неодинаковую интерпретацию, которая обычно называется дискриминационной? Другими словами, является ли объективно дискриминация необходимым следствием навязывания схемы типизаций или релевантностей?

Несомненно, это не так, как мы сейчас увидим из определения, данного в докладе ООН [12]. Ни один гражданин США не будет чувствовать себя подвергнутым дискриминации из-за того, что Швейцария считает его чужим и не позволяет ему участвовать в ее политической жизни. Следующий пример подведет нас еще ближе к существу проблемы. Мы заимствуем его из великолепного исследования М. Бергера [19, P. 53 ff].

Речь идет об интерпретации статьи о так называемом пункте о равной защите из Четырнадцатой поправки к Конституции США, принятой решением Верховного суда (*Plessy v. Ferguson*, 163 U.S. 537, 1896). С нее началась знаменитая доктрина «раздельные, но равные». В этом решении Верховный суд (судья Г.В. Браун) постановил, что принцип равенства рас перед законом не упраздняет различий, основанных на цвете кожи; он не подразумевает принуждения к социальному — в отличие от политического — равенству, а также смешения рас на основаниях, неудовлетворительных для любой из сторон: «Если из этого делается вывод о более низком положении <цветной расы>, то это происходит не на основе реальных действий, а только потому, что так решили представители цветной расы... Законодательство бессильно искоренить расовые инстинкты... Если одна раса находится на более низкой социальной ступени, чем другая, Конституция США не может уравнивать их».

Было бы легко развенчать это утверждение как слабую попытку оправдания расового предрассудка, каковым оно является, если бы способ раскрытия диалектики, содержащейся в самом непроясненном термине «предрассудок», не вызывал особого теоретического интере-

¹⁰ Спиричуэлс (spirituals) — традиционный вокальный жанр афроамериканской музыки, сложившийся на основе религиозных песнопений. — *Прим. ред.*

са. По мнению суда, отказ цветной расе в равном доступе к общественным возможностям (public opportunities) — термин Роберта Макайвера в его работе «Более совершенный союз» («The More Perfect Union») — не означает, что индивиды, подпавшие под эту навязанную типизацию, объективно занимают более низкое социальное положение. К такому заключению может привести только интерпретация навязанной типизации на основе схемы релевантностей типизируемой группы — и, следовательно, интерпретация субъективная. Очевидно, такой конструкт является результатом недобросовестности цветной расы («так *решили* представители цветной расы»).

Здесь мы опять сталкиваемся с «зеркальным эффектом», отмеченным в другом контексте в разделе III (B): система релевантностей типизирующей группы содержит стереотип системы релевантностей, которая не только приписывается типизируемой группе, но действительно навязывается ей. Навязывание социальных категорий имеет двойной эффект: оно создает «группу» и снабжает ее фиктивной системой релевантностей, которой может управлять, по своему усмотрению, создатель типа. Г. Мюрдаль справедливо утверждает в «Американской дилемме»: «Меня не покидает ощущение, что это больше проблема белого человека, чем негра... Действительная проблема не в негре, а в установке белого человека по отношению к негру» [20, p. 43].

С другой стороны, навязанная система релевантностей на самом деле воздействует на систему релевантностей тех, для кого она предназначена. Даже при допущении, что разделение не мыслилось как связанное с более низким социальным положением цветной расы, сегрегация рассматривается негром как оскорбление, и он становится чувствительным по отношению к ней. Если он никогда не собирался ехать в спальном вагоне, возведенный в принцип запрет ехать в этом вагоне становится для него релевантным. Он сталкивается с новой проблемой, которую надо решить.

В более общей форме мы можем сказать, что само по себе навязывание системы типизаций и релевантностей не ведет с необходимостью к дискриминации. За этой объективной интерпретацией группового членства должен следовать другой элемент, а именно: субъективное переживание оскорбленных индивидов — в силу навязывания типизации они отчуждаются от самих себя; с ними обращаются просто как с взаимозаменяемыми носителями типизированных черт и характеристик. Таким образом, дискриминация предполагает как навязывание типизации с объективной точки зрения, так и соответствующую оценку этого факта с субъективной точки зрения индивида, которому эта типизация навязывается.

Перейдем теперь к более детальному рассмотрению этой диалектической ситуации. Здесь мы лишь добавим, что сведение этой крайне запутанной проблемы к вопросу о предрассудках представляется малополезным. Категория «предрассудок» сама принадлежит исклю-

чительно к сфере объективной интерпретации. В повседневном мышлении предрассудками обладает только другой человек. У меня никогда не может быть предрассудков, потому что *мои* убеждения хорошо обоснованны, *мои* мнения считаются сами собой разумеющимися и *моя* вера в правильность и ценные свойства *наших* методов — что бы это ни означало — неизменна. Можно было бы достигнуть лучшего теоретического понимания социальной напряженности, если бы социальные ученые и философы отказались на время от прекраснотушней идеи, что дискриминация и другие виды социального зла возникают исключительно из предрассудков и исчезнут как по мановению волшебной палочки, когда мы сообщим творящим это зло, что они основываются на предрассудках. Нам следует мужественно признать тот факт, что предрассудки сами являются элементами интерпретации социального мира и даже одной из его движущих пружин. Предрассудки — это рационализации и институционализации основополагающего «главного мифа», на котором основывается самоинтерпретация группы. Бессмысленно говорить негрофобу с Юга, что в биологической науке нет такого термина, как негритянская раса.

Тем не менее, чтобы избежать недоразумения, я хочу подчеркнуть, что предыдущие замечания относятся только к неправомерному отказу от дальнейшего *теоретического* исследования таких проблем, как дискриминация, в связи с магической формулой «они возникают из предрассудков». Совершенно другой вопрос — стратегия, с помощью которой можно, по крайней мере, уменьшить зло социальной напряженности. На мой взгляд, эта учебная цель может быть достигнута только путем медленной и последовательной модификации системы релевантностей, которую власть предрассудков навязывают своим ближним. Р. Макайвер ясно показал, как это может быть осуществлено, несмотря на использование им *понятия* предрассудка.

2) *Дискриминация и права меньшинств: субъективная и объективная интерпретации*

Две превосходные публикации, подготовленные Генеральным Секретарем ООН [12, 21], подтверждают наши выводы. В этих документах рассмотрение основных типов дискриминации (разделы 30–32) начинается с понятия равенства, как оно сформулировано ООН во Всеобщей декларации прав человека, цитированной ранее; подчеркивается, что равенство не исключает два класса различий, которые, в общем, рассматриваются как допустимые и оправданные. Это: а) различия, основанные на поведении, вменяемом индивиду, например, трудолюбию — лени; пристойности — непристойности; достоинствах — недостатках; б) различия, основанные на индивидуальных качествах, которые, хотя и не являются вменяемыми индивиду, имеют социальную ценность, например, физические и умственные данные, талант, врожденные способности и т. п.

Следовательно, эти два класса относятся к личным чертам и характеристикам, которые в терминологии Аристотеля соответствуют степеням мастерства и достоинства. С другой стороны, моральное и юридическое равенство исключает всякое различие, базирующееся на а) основаниях, которые не вменяемы индивиду и которые не должны рассматриваться как имеющие какой-то социальный и юридический смысл, такие, как цвет, раса и пол; и б) основаниях социальных категорий, таких, как язык, политические или иные мнения, национальное или социальное происхождение, собственность и т. д.

Это разделение оправданно с точки зрения системы релевантности, лежащей в основе классификации. В нем явно используется язык этико-политических постулатов, выраженных в терминах порядка сфер релевантности, который установлен и социально одобрен культурной средой в лице ООН. Не утверждается, что характеристики, приведенные в классе (а), — которые в нашей терминологии относятся к экзистенциальным группам, — не имеют никакого социального смысла, но постулируется, что они не должны его иметь. Термин «вменяемый», часто используемый в этой классификации, должен, очевидно, пониматься так же. Однако характеристики, приводимые в классе (б), вероятно даже с этой точки зрения относятся к категориям «социального происхождения». «Недружественное» обращение с индивидами как простыми представителями таких категорий, имеющее место в навязанной системе релевантностей, не совместимо с пониманием равенства в определении ООН.

Этот момент разъясняется в следующем определении дискриминации, приводимом в документе (раздел 33): «Дискриминация включает любое поведение, которое базируется на различии, проводимом на основе естественных или социальных категорий, которые не имеют никакого отношения ни к индивидуальным способностям или достоинствам, ни к конкретному поведению отдельного человека».

Это определение было бы слишком широким (см. наш пример с интерпретацией граждан США как чужих для Швейцарии), если бы оно не уточнялось в разделе 37 следующим образом: «Дискриминацию можно было бы описать как неравное обращение <с людьми> и <их> ущемление, выражающиеся либо в отказе в правах и социальном благоприятствовании членам определенной социальной категории, либо в налагании особого бремени на них, либо в предоставлении преимуществ только членам другой категории, что создает неравенство между теми, кто принадлежит к привилегированной категории, и другими». Более того, специально отмечается (раздел 38), что «дискриминация — это не просто субъективная установка [разумеется, термин “субъективный” используется здесь в значении, отличном от его значения в данной работе], а поведение, направленное вовне».

Принимая часто проводимое современными социологами различие между а) межличностными отношениями, устанавливаемыми между людьми как таковыми через сходство их специфически личных характеристик (раздел 20) и б) собственно социальными отношениями, устанавливаемыми с учетом особой роли, которую играет каждый как член определенной социальной группы (раздел 22), документ утверждает, что практики, характеризующиеся как дискриминационные, относятся только к типу человеческих отношений, упомянутых в пункте (б), а именно к социальным отношениям.

Дискриминационные действия возникают из предрассудков (раздел 39); существует взаимосвязь между предрассудком и дискриминацией (раздел 41). Социально-групповой предрассудок определяется (раздел 43) как «вид отношения, предубеждение, состоящее в распространённой установке враждебности, презрения, недоверия или заниженной оценке членов отдельной социальной группы только потому, что они являются членами этой группы». В целом, говорится в документе (раздел 50), многие люди приобрели привычку «смотреть на представителей других социальных категорий не как на индивидов, а как на членов групп — белых или черных, сограждан или иностранцев, женщин или мужчин, людей из высшего или низшего класса, протестантов, католиков или иудеев, рабочих и работодателей. Они воспринимаются в свете приписываемого им признака (реального или предполагаемого) их группы со всеми искажениями, вызванными или предубеждениями, или корыстью... Такие предрассудки принимаются без их исследования или даже серьезного размышления, просто потому что они стали частью представления о группе».

Не стоит вновь детально рассматривать соответствие этих изысканий с нашей теорией субъективного и объективного группового членства и навязанными системами релевантностей и типизаций. Дискриминация основана на объективной интерпретации группового членства.

Все это лишь часть дела. Комиссия ООН по правам человека должна вносить предложения, касающиеся не только прекращения или ограничения дискриминации, но и защиты меньшинств. Во втором из упомянутых документов приведены определения и классификация меньшинств. В разделе 45 говорится, что термин «меньшинство» следует применять к «группам, члены которых имеют общее этническое происхождение, язык, культуру или религию и заинтересованы в сохранении либо своего существования как национального сообщества, либо своих отдельных отличительных характеристик». В разделе 39 утверждается, что «члены такого меньшинства чувствуют, что они составляют... группу или подгруппу, которая отлична от доминирующей группы».

Документ проводит ясное различие между а) меньшинствами, члены которых требуют равенства с господствующими группами

только в плане отсутствия дискриминации, и б) теми группами, члены которых требуют в *дополнение* к этому признания особых прав и оказания им определенной реальной помощи. Меньшинства категории (а) предпочитают быть ассимилированными господствующей группой; меньшинства категории (б) считают, что даже реализация принципа недискриминации поставила бы их в положение не *действительного* (а только *формального*) равенства по отношению к господствующей группе.

Меньшинства, как утверждает документ (раздел 48), являются социальными сущностями, которые скорее динамичны, нежели статичны, и меняются под влиянием обстоятельств. Например, группа меньшинства, как подчеркивали многие социологи и политологи, которая удовлетворена своими отношениями с доминирующей группой, старается быть более или менее ассимилированной последней. Однако если группа меньшинства чувствует, что правила, навязываемые господствующей группой, препятствуют сохранению ее отличительных характеристик или реализации ее устремлений, отношения ее с этой группой становятся все более и более напряженными.

Отсюда видно, что проблема меньшинств является проблемой *субъективной* интерпретации группового членства и субъективных аспектов системы значимых в ней типизаций и релевантностей. Это явствует также из отраженной в документе позиции, касающейся принадлежности индивида к группе меньшинства. Например, следует ли рассматривать нерелигиозного человека как члена религиозного меньшинства? Единственно возможный ответ, согласно документу (раздел 59), состоит в том, что решающим фактором здесь является субъективное мнение индивида. Каждый должен иметь возможность добровольно решать, принадлежит ли он к данному меньшинству.

Подводя итог, нужно сказать, что и проблема формального равенства, то есть ликвидации дискриминации, и проблема действительного равенства, то есть соблюдения прав меньшинств, возникают из расхождения между объективным и субъективным определениями конкретной групповой ситуации.

3) *Порядок сфер релевантности: субъективная и объективная интерпретации*

Здесь мы ограничимся цитатой из монографии Г. Мюрдаля, которая говорит сама за себя:

«Ранговый порядок дискриминаций белого человека:

Смешанный брак.

Социальное равенство.

Сегрегация.

Политические права.

Равенство перед законом.

Экономическое равенство.

Собственный ранговый порядок негра является параллелью — но *обратной* — ранговому порядку белого человека. Негр меньше противится дискриминации, имеющей наиболее высокий ранг у белого человека, и больше всего возмущается любой дискриминацией на низшем уровне» [20, р. 60-61].

4) *Равенство, к которому стремятся, и равенство, которое даруется*

Необходимо упомянуть еще один аспект равенства при субъективной и объективной интерпретациях.

Равенство в любом смысле означает нечто различное для группы *A* или ее индивидуальных членов, стремящихся обрести позицию, равную позиции группы *B*, и для группы *B*, с которой группа *A* стремится стать равной или с которой она хочет быть воспринимаемой на равных.

Зиммель рассматривал эту проблему в своих знаменитых исследованиях, посвященных развитию идей равенства и свободы в восемнадцатом и девятнадцатом веках, и в разделе о суперординации и субординации (отношениях превосходства и подчинения) своей социологии. Как правило, утверждает Зиммель, никто не удовлетворен положением, которое он занимает по отношению к своему окружению, каждый хочет обрести позицию, которая в каком-то смысле лучше существующей [17, р. 275]. Сравняться с тем, кто его превосходит, с тем, кто находится непосредственно перед ним (что достаточно типично), — первая цель, которая дает импульс для роста человека. Но это всего лишь промежуточный этап. На огромном числе примеров мы видим, что, как только нижестоящий догнал вышестоящего, позиция, которая прежде была его основной целью, становится исходной точкой для дальнейших усилий, первым этапом бесконечного пути к максимально желаемой позиции. Любая удавшаяся попытка достичь равенства приводит к тому, что индивид снова будет стремиться всячески превзойти других. Но, говорит Зиммель, существует принципиальная разница, осуществляется ли эта попытка достичь желаемого за счет разрушения того, что он называет «социологической формой» (и что мы бы назвали преобладающей системой релевантностей и их порядком), или она совершается *внутри* этой формы, которая при этом сохраняется.

Несомненно, смысл равенства различен для тех, кто стремится к равному положению с превосходящим, — неважно, индивидом или группой — и тех, кто занимает привилегированное положение, кто должен даровать это равенство.

Это можно видеть на примере двух типов меньшинств, рассмотренных в подразделе 2. Для меньшинств типа (а) ассимиляция является равенством, к которому они стремятся, а для меньшинств типа (б) целью является только *действительное* равенство, то есть обретение

особых прав, например, использования национального языка в школе, в суде и т. д. Отличным примером этого является история культурной борьбы национальных меньшинств в старой австро-венгерской монархии. Господствующая группа может интерпретировать даруемое равенство как *формальное*, может даже согласиться на полное равенство перед законом и полное политическое равенство и все же ожесточенно сопротивляться притязаниям на особые права. Другим примером является различная интерпретация белым человеком и негром рангового порядка дискриминации.

Особое значение для рассматриваемой двойкой интерпретации равенства имеет приведенное выше замечание Зиммеля о принципиальной разнице между тем, может ли напряжение такого рода быть снято путем смещений внутри существующей общей системы релевантностей или только путем ее разрушения. Первая установка характерна для консервативного мышления, вторая — для революционного. Те, кто занимает привилегированное положение, будут интерпретировать равенство, которое нужно даровать, на основе консервативного мышления, в то время как стремящиеся к равенству часто интерпретируют его на основе революционного мышления. А. Саломон завершает свою книгу «Тирания прогресса» следующим утверждением: «Характерная аксиома нашей современной жизни заключается в том, что для того, чтобы оставаться консерватором, надо быть либералом. Мы можем обеспечить долговечность нашего социального и интеллектуального мира, будучи консервативными реформаторами» [22].

Р.Г. Тауни, сравнивая в своей книге «Равенство» неравенство в индустриальном веке с неравенством при старом режиме, приходит к следующему выводу: «Неравенство при старом режиме было нетерпимым, потому что оно было произвольным — результатом не личных способностей, а социального и политического фаворитизма. Неравенство в индустриальном обществе было достойно уважения как проявление индивидуальных достижений или индивидуальной неудачи. Это вызывало ненависть к неравенству в XVIII веке и одобрение неравенства в XIX веке. Различие между ними состояло в том, что первое происходило из социальной организации, а второе — из личного характера... «La carrière ouverte aux talents»¹¹ было формулой примирения (между революционерами и консерваторами), которая разрушила классовую систему старого режима во Франции и предоставила подходящее с точки зрения морали название классовой системе, пришедшей ей на смену» [23, p. 122].

¹¹ Карьера, открытая для талантов (фр. — *Прим. ред.*). Американским эквивалентом этого лозунга, введенного в оборот Наполеоном, является «Из хижины — в Белый дом» (From log cabin to White House).

Однако и равные возможности, и открытая талантам карьера также подвергаются субъективной и объективной интерпретации.

С. Субъективный и объективный смысл равных возможностей

Понятие равных возможностей сложно анализировать потому, что не только термин «равенство» имеет, как мы видели, различный смысл при субъективной и объективной интерпретации, но и термин «возможность» также допускает двоякую интерпретацию. Начнем анализ с понятия возможности в объективном смысле. Вспомним цитаты из сочинений Парсонса и Шилза в разделе I этой работы, чтобы еще раз посмотреть, как современные социологи интерпретируют социальную систему.

В объективном смысле социальная группа является структурно-функциональной системой, образованной сплетением взаимосвязанных интеракционных процессов, социальных ролей, позиций, статусов. Не конкретный индивид или конкретное лицо, а роль является концептуальной единицей социальной системы. Каждой роли соответствует особый набор ролевых ожиданий, реализации которых ждут от каждого, кто ее исполняет.

В нашей терминологии эти ролевые ожидания — не что иное, как типизации образцов интеракции, которые являются социально одобренными способами решения типических проблем и как таковые часто институционализированы. Следовательно, они организованы в сферы релевантности, которые, в свою очередь, ранжированы в определенном порядке, возникающем в относительно естественном мировоззрении группы, ее обычаях, нравах, морали и т. д.

Ту же самую идею мы можем выразить в терминах институционализации, интерпретируя социальную систему как переплетение позиций, каждая из которых определяется социально одобренной типизацией отдельных интеракционных образцов. Эти типизации также устанавливают требования для позиции, связанных с ней полномочий и обязанностей, которые должен принять любой, кто ее занимает. Они также определяют способности, навыки, прочие характеристики — короче, компетентность и квалификацию — которыми, предположительно, должен обладать каждый занимающий позицию человек, чтобы адекватно выполнять свои функции. Отсюда естественным образом следует, что к таким позициям должны допускаться только квалифицированные люди.

Постулат равной возможности в объективном смысле чаще всего приводится в форме: «Карьера, открытая для талантов». Он означает, однако, нечто большее — не просто то, что только компетентные люди должны иметь право занимать соответствующую позицию, но то, что *все* компетентные люди, независимо от любых других критериев, должны иметь равное право занимать определенную позицию; это

следует понимать так: из всех *имеющих право занимать позицию* ее должны получить те, кто обладает лучшей квалификацией. Французская декларация прав человека 1789 года постулирует, что «все имеют равное право на все почести, места, должности в соответствии с их различными способностями и без всякого иного различия, кроме того, которое создано их достоинствами и талантами».

Этот постулат соответствует аристотелевскому понятию распределительной справедливости, согласно которой вознаграждение должно осуществляться в соответствии с достоинствами людей. Но уже Аристотель говорил, что понятие «достоинство» для каждого общества свое. В нашей терминологии это значит, что именно относительно естественное мировоззрение определяет или, по меньшей мере, со-определяет компетентность и квалификацию каждого, кто имеет право занимать определенную позицию. Соотнесение определения этих квалификаций с естественным мировоззрением, преобладающим в социальной группе, часто ведет к тому, что в определение включаются элементы, которые не имеют никакой связи — или лишь отдаленную связь — с надлежащим занятием конкретной позиции. Например, для современной Америки, в отличие от других западных стран, характерно, что возраст претендентов на определенные виды работ ограничивается тридцатью пятью годами.

Но есть и другая причина, почему равные возможности в объективном смысле, то есть точное соответствие высших квалификаций любой данной позиции, невозможны; опять-таки именно Зиммель подчеркнул этот момент. Всякий социальный порядок, говорит он [17, р. 76], требует иерархии суперординации и субординации позиций, хотя бы даже из практических соображений. Однако людей, обладающих должными квалификациями для занятия более высоких позиций, всегда больше, чем самих этих позиций. Многие из заводских рабочих могли бы быть предпринимателями или, по меньшей мере, мастерами; многие рядовые солдаты имеют квалификацию офицера; людей с качествами лидера много больше, чем нужно лидеров. Постулат, согласно которому каждый талант развивается свободно, *то есть* находит позицию, соизмеримую с ним, подрывается реальным несоответствием между высокой степенью компетентности и возможностями ее использования.

Аргумент Зиммеля, несомненно, существует. Тем не менее, Тауни справедливо показал, что постулат равной возможности не игнорирует тот факт, что только немногие могут участвовать в соревновании [23, р. 123]. При правильной интерпретации постулат требует лишь, чтобы никому не было навсегда запрещено участвовать в соревновании и чтобы никому, кто участвует в нем, не чинились препятствия.

До сих пор мы исследовали объективный смысл равенства возможностей, выраженный в форме: «Карьера, открытая всем». Но су-

ществуют также равенство возможностей в получении образования или в развитии способностей и таланта; равенство возможностей по отношению к благам культуры; понятие равного доступа к общественным возможностям Макайвера и, наконец, очень интересное утверждение Тауни о том, что равенство означает не отсутствие резких контрастов в доходах и условиях, а равные возможности для становления неравными [23, p. 123]. Мы не можем подробно обсуждать все эти понятия в объективном смысле, но до тех пор, пока используемые концепты не являются просто субкатегориями дискриминации, наш анализ субъективного смысла возможности применим — с небольшими модификациями — к ним всем. Во всех этих случаях объективная возможность определяется социально одобренными типизациями социальных ролей, ролевых ожиданий и позиций.

Далее необходимо рассмотреть субъективный смысл возможности, то есть смысл, который это понятие имеет для индивида, который в объективном смысле имел бы право ей воспользоваться. Такой индивид переживает то, что мы определили в объективном смысле как благоприятную возможность (*opportunity*), — как данный ему шанс, вероятность (*possibility*) самореализации, открытой его выбору, вероятность достижения целей, исходя из личного определения своей ситуации в группе.

Однако с субъективной точки зрения объективно компетентного человека этот субъективный шанс¹² существует только при следующих условиях.

Индивид должен знать о существовании такого шанса.

Шанс должен быть в пределах досягаемости индивида, совместим с его личной системой релевантностей и его ситуацией, как она определена им.

Объективно определенные типизации ролевых ожиданий должны быть если не согласующимися, то хотя бы консистентными с самотипизациями индивида, другими словами, он должен быть уверен, что может соответствовать требованиям своей позиции.

Роль, которую индивид имеет право занимать, должна быть совместима со всеми остальными социальными позициями (ролями), в которые он вовлечен частью своей личности.

Нетрудно заметить, что возможности, равные с объективной точки зрения, могут быть — и, в строгом смысле, должны быть — неравными применительно к субъективным шансам отдельного индивида, и *наоборот*. И это так в силу того, что только с объективной

¹² Мы предпочитаем сохранить этот термин, введенный Максом Вебером [24, P. 100, n. 21], несмотря на то, что английские переводчики Т. Парсонс и М. Хендерсон заменили его — по соображениям, объясненным ими, — выражением «возможность» (*probability*) и иногда «вероятность» (*likelihood*).

точки зрения социальные роли составляют концептуальную единицу социальной системы, которую можно типизировать и определять в терминах ролевых ожиданий и компетентности. Более того, только с объективной точки зрения можно считать, что люди с равными квалификациями имеют равные права на определенную роль.

Однако с *субъективной* точки зрения индивид смотрит на себя не как на человека, имеющего право исполнять социальную роль, а как на человека, вовлеченного в разнообразные социальные отношения и отношения группового членства, в каждом из которых он участвует частью своей личности. Следовательно, даже если имело бы смысл допускать, что равные субъективные шансы соответствуют объективно равным возможностям, отдельный человек взвешивал бы свои шансы, исходя только из своих личных надежд, страхов и страстей.

Поэтому, строго говоря, равная возможность существует только с объективной точки зрения. Субъективные шансы неравны, и, как мы узнали из Платона, для неравных равное становится неравным.

Тем не менее идеал равных возможностей в объективном смысле заслуживает того, чтобы за него бороться. Однако не следует думать, что реализация этого идеала обеспечивает «равный старт для каждого». Исследователи отмечают многочисленные факторы, которые делают это невозможным: различное материальное положение, физическая среда (жилищные, санитарные условия и т. д.), экономические условия (например, только немногие, не имея необходимости работать, могут получить образование до достижения зрелости; не все имеют равный доступ к информации, особенно финансовой). Вероятно, к этому списку следует добавить неравные возможности для использования свободного времени.

Как отмечает К. Бринтон, равенство возможностей, понимаемое в этом смысле, существовало бы только в том случае, если бы было изменено социальное окружение: «...и это вряд ли может быть сделано иначе, чем через коллективное действие. Логический вывод, который следует из принципа равенства возможностей, есть не вывод о *laissez faire*¹³, а вывод о коллективизме. Однако все еще многочисленные сторонники этой формы равенства редко являются логиками» [25, р. 574-580].

Идеал равенства возможностей может быть и иным, более скромным. Для индивида, который находится в зависимости от своего членства в различных группах, он состоит в праве стремиться к счастью, как мы определили это понятие в конце раздела IV (1), и, следовательно, в максимальной — в его собственном понимании — самореализации, которую допускает его социальная ситуация.

¹³ «Можно делать что угодно» (фр.). Употребляется в значении: невмешательство, предоставление свободы действий. — *Прим. ред.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Parsons T.* The Social System. Glencoe: The Free Press, 1951.
2. *Parsons T., Shils E.* Values, Motives and Systems of Actions // Toward a General Theory of Action / Ed. by T. Parsons, E.A. Shils. Cambridge, Massachusetts, 1951.
3. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 467.
4. *Aristotle.* Nicomachean Ethics. 1131a 14 – 1131 b 24.
5. *Ross W.D.* Aristotle. London, 1954.
6. *Kipling R.* We and They // Debits and Credits: Verse. London. 1926.
7. *Sumner W.G.* Folkways: A Study of the Sociological Importance of Manners, Customs, Mores, and Morals. New York, 1906.
8. *Vögelin E.* The New Science of Politics: An Introduction // Walgreen C.R. Foundation Lectures. Chicago, 1952.
9. *Smith T.V.* The American Philosophy of Equality. Chicago, 1927.
10. *Vögelin E.* Der Sinn der Erklärung der Menschen und Bürgerrechte von 1789 // Zeitschrift für öffentliches Recht. 1928. Vol. 8.
11. *MacIver R.M.* The More Perfect Union. New York, 1948.
12. United Nations. Memorandum of the Secretary-General: The Main Types and Causes of Discrimination. Document E/Cn4/Sub2/40/Rev. of June 7, 1949.
13. *Schutz A.* Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action // Schutz A. Collected Papers. Vol. I. The Problem of Social Reality / Ed. by M. Natanson. The Hague: Martinus Nijhoff, 1962.
14. *Schutz A.* Concept and Theory Formation in the Social Sciences // Schutz A. Collected Papers. Vol. I. The Problem of Social Reality / Ed. by M. Natanson. The Hague: Martinus Nijhoff, 1962.
15. *Strauss L.* Natural Right and History. Chicago, 1953.
16. *Maine H.S.* Ancient Law. New York, 1906.
17. *Wolf K.H.* The Sociology of George Simmel. Glencoe, 1950.
18. *Thomson D.* Equality. Cambridge, 1949. P. 22 ff.
19. *Berger M.* Equality by Statute. New York, 1952.
20. *Myrdal G.* An American Dilemma. New York, 1944.
21. Definition and Classification of Minorities. Document E/Cn4/Sub2/85/27 of December. 1949.
22. *Salomon A.* The Tyranny of Progress. New York, 1955.
23. *Tawney R.H.* Equality. New York, 1931.
24. *Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization. New York, 1947.
25. *Brinton C.* Equality // Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 3. New York, 1937.